

Фото Игоря ВЕРЕЖАГИНА

Неделя: 1997. - № 7. - С. II - III

ВЫШИБЛЕННЫЙ ЗУБ

Моя Москва

Ролан Антонович Быков.
Актер, режиссёр,
президент
Международного фонда
развития кино
и телевидения для детей
и юношества.
Родился в Киеве
в 1929 году.
Москвич с трехлетнего
возраста.
Живет на улице Врубеля.

Москва резко вошла в мое сердце с самого детства. Она была и остается моим вечным праздником. День мой начинался с крика — я визжал от радости, что живу. Вставал я очень рано — в пять-полшестого утра и получал от отца за то, что не даю ему выспаться. И я убежал в Москву! Падал в нее с утра и приходил только ночью. В семье меня звали квартирантом. Моей квартирой был весь этот город — моя дорогая Зацепа, Павелецкий вокзал, Щипок, Балчуг, Воробьевы горы, Парк культуры, Сокольники, Нескучный сад. Все это было пространством моего детства с самого раннего возраста — лет с пяти.

Мы тогда жили социально неразделенными. В коммуналке с сорока тремя комнатами и одной кухней — и работник МИДа, и директор зверосовхоза, и уборщица ликеро-водочного завода. Постепенно дом все беднее и беднее становился, более пролетарским, но он не стал Вороньей слободкой. Это был странный дом.

Жили мы напротив Зацепского рынка. Если есть чудо из бетона и стекла, то рынок был чудом из стекла и фанеры. Огромное здание рядом с маленьким невзрачным тогда Павелецким вокзалом. И когда немцы бомбили наш район, то, очевидно, они подумали, что это стеклянное сооружение и есть вокзал, и рынок был разгромлен до основания. Когда мы вышли из бомбоубежища, был страшный ветер, срывались горящие железные листы с крыш и, гремя, как Змеи Горынычи, летали над Зацепой. Странное зрелище.

Как ни странно, самый праздник был не Новый год, а Первое мая. «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля» — эта песня была в крови московского мальчика, а я московский мальчик. И самое главное во всей довоенной жизни было —

Первого мая оказаться ближе к Красной площади. Однажды, мне было тогда лет восемь, я пробрался на крышу ГУМа, но слишком рано — всех нас сняла милиция, и мы не увидели парад...

Мы тогда делились на ватаги. Были знаменитые дворы — Ульяновка, Маршировка, наш дом назывался Пекарный, потому что в нем находилась пекарня. Я получил очень жестокое амплуа — малышка. Малышка идет впереди всех, далеко впереди, и задирается. Это было, конечно, хулиганством. Надо было плюнуть, подставить ножку, кинуть чем-то. За это я получал первым, подходила ватага и говорила: чего маленького обижаете? Знаменитая схема жизни и развлечения московских переулков и улиц довоенного времени. Если честно говорить, было страшно, но когда ты играешь роль, то страшно — не страшно, ты идешь и ничего нельзя сделать, это наше ролевое участие в жизни. Амплуа это, наверное, и определило где-то мою жизнь — не бояться получить, идти первым.

Не могу вам передать основного чувства Москвы, которое созрело в шесть-восемь лет. Этот город был настолько мой, что для меня лечь где-то и поспать немножко — ну так, устал — было естественным. Я знал места, где можно спрятаться, где можно увидеть то, что не положено видеть маленькому. Мы очень свободно ориентировались в Москве. У моего старшего брата была манера — пошли путешествовать по Москве. И почему-то ему всегда надо было меня с собой таскать зимой. Я замерзал через тридцать минут, и он, проклиная меня, вел меня по музеям, просто по городу и очень многое мне открыл. С ним было потрясающе интересно ходить, он видел то, чего не видел я. Я многому научился у брата, сейчас говорят, что со мной интересно ходить.

Москва в моей любви, в моей крови, в моем естестве, и, может быть, поэтому, когда я первый раз приехал в Нью-Йорк, я сказал: ой, это мой город! Того же ритма. Мы никогда не обращаем внимание на то, в каком ритме живет человек, а ведь это важно.

У меня есть несколько моих московских тайн — например, Василия Блаженного и памятника Гоголю. Однажды, влюбленным юношей, я возвращался к себе на Зацепу часа в три утра через Красную площадь. Было лето. Шел я от Исторического музея к Балчугу. Василий Блаженный стоит на возвышении, и когда сумрак, вы не видите храм. Но с каждым шагом он, как изображение на фотографии, проявляется и возникает во всей своей безумной красе. В то утро я это впервые заметил. Волшебная тайна этого поразительно русского по архитектуре памятника, объединившего в себе в гармонии разные начала, как и сама Москва.

А если стоять лицом к памятнику Гоголю (только не того, который стоит, а того, который сидит) и начать обходить его слева и потом резко обернуться, то окажется, что Гоголь за вами подглядывает. По моему ощущению, он видел не просто правду жизни, а тайну правды жизни. Он немного подглядывал за тем, что скрыто, о чем не говорят. Но при этом он всегда добр с самыми смешными и даже с нехорошими людьми. Хотя более резко о России, чем писал Гоголь, никто больше не писал, конечно, кроме Салтыкова-Щедрина. При этом он был выездным, а Пушкин нет. И именно Гоголь одним из первых получил государственную премию того времени — перстень от царя за «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Москва — моя дивная школа с потрясающими учителями. Мой Дом пионеров, где я первый раз сыграл, поставил первый